

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

КНИГИ БРЕНДОНА САНДЕРСОНА

АРХИВ БУРЕСВЕТА

Путь королей
Слова сияния
Давший клятву

•

МСТИТЕЛИ

Стальное сердце
Огненный мститель
Звезда Напасть

•

РОЖДЕННЫЙ ТУМАНОМ

Пепел и сталь
Источник Вознесения
Герой Веков

•

ДВУРОЖДЕННЫЕ

Сплав закона
Тени истины
Браслеты Скорби

•

ЛЕГИОН. Стивен Лидс и множество его жизней

•

Устремленная в небо
Видающая звезды

•

Убийца Войн

БРЕНДОН
САНДЕРСОН

Убийца Войн

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 18

Bandon Sanderson
WARBREAKER
Copyright © Dragonsteel Entertainment, LLC 2009
All rights reserved

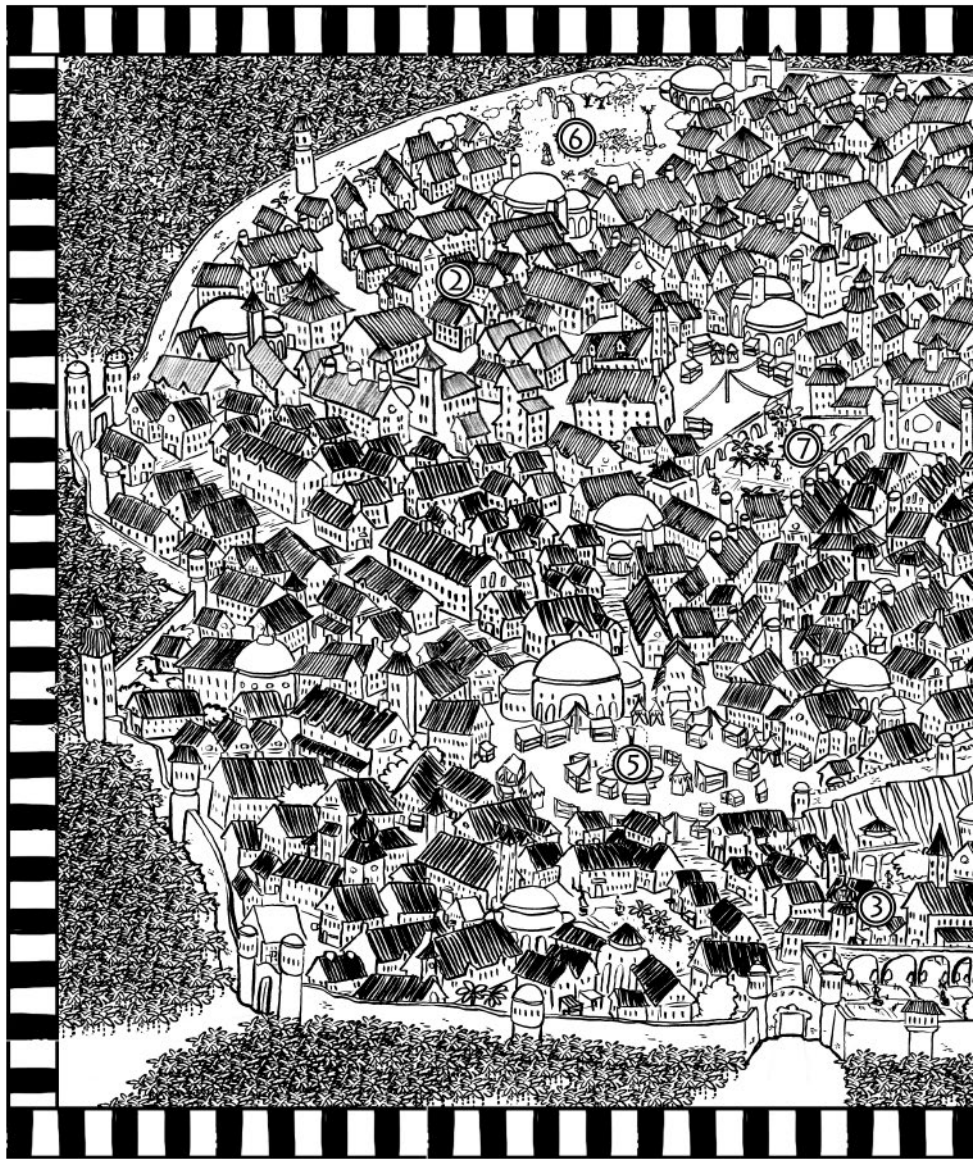
Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов,
JAVberwocky Literary Agency, Inc. (США) при содействии
Агентства Александра Корженевского (Россия).

Перевод с английского Алексея Смирнова
Серийное оформление Виктории Манацковой
Оформление обложки Егора Саламашенко
Иллюстрация на обложке Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-20180-4

© А. К. Смирнов, перевод, 2017, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Эмили, сказавшей «да»

Карта Т'Телира, скопированная с гобелена из дворца возвращенного бога Жаворонка Отважного, приблизительно 321 год. Это художественное изображение города, и масштаб не соблюден, но карта удобна для справки.

Пролог

«Забавно, — подумал Вашер, — как часто у меня что-то новенькое начинается с каталажки».

Пересмеиваясь, стражники с лязгом захлопнули дверь камеры. Вашер встал, отряхнулся и, морщась, поворачивал плечами. Нижняя половина двери была из толстого дерева, а верхняя — зарешечена, и он увидел, как трое тюремщиков открыли его вместительную котомку и принялись рыться в пожитках.

Один перехватил его взгляд. Здоровенный кабан с бритой наголо головой и в грязном мундире, на котором едва проступали некогда яркие — желтые и синие — цвета городской стражи Т'Телира.

«Яркие краски, — подумал Вашер. — Придется снова к ним привыкать».

В любой другой стране веселенькая желто-синяя расцветка солдатской формы показалась бы нелепой. Однако он находился в Халландрене — в краю возвращенных богов, безжизненных слуг, биохроматических исследований и, разумеется, красок.

Тюремщик-амбал лениво приблизился к двери камеры, предоставив друзьям развлекаться с имуществом Вашера. Смерил его взглядом.

— Говорят, ты крутой, — сказал стражник.

Вашер не ответил.

— Трактирщик сказал, что в драке ты уложил человек двадцать. — Стражник поскреб подбородок. — Мне ты таким крутым не кажешься. Короче, зря ты засветил жрецу. Остальные-то переночуют под замком, а тебе, бесцветный дурак, болтаться в петле!

Вашер отвернулся. Его камера была удобна, хотя и убога. Свет проникал через узкую щель под потолком. Каменные стены, поросшие мхом, сочились влагой; в углу гнила куча грязной соломы.

— Что, язык проглотил? — ощерился страж, подступая еще ближе к двери.

Цвета его мундира стали ярче, как будто улучшилось освещение. Перемена была небольшой. У Вашера осталось мало дохов, и его аура слабо влияла на окружающие цвета. Страж не заметил разницы — как и в кабаке, когда со своими громилами поднял Вашера с пола и зашвырнул в скотовозку.

— Эй! — подал голос стражник, рывшийся в котомке Вашера. — А это что?

Вашер всегда находил занятным, что люди, ведающие тюрьмами, обычно ничем не лучше тех, кого они караулят. Возможно, так и было задумано. Обществу, похоже, все равно, где именно пребывают такого рода субъекты — вне камер или внутри оных; главное — подальше от более честных людей.

Если таковые существуют.

Стражник извлек из котомки длинный предмет, закутанный в белое полотно. Развернул и присвистнул при виде узкого меча в серебряных ножнах. С рукоятью черной как ночь.

— Интересно, у кого он это спер?

Старший всмотрелся в Вашера, прикидывая, не из благородных ли этот тип. Хотя в Халландрене аристократии не водилось, во многих соседних королевствах имелись и лорды, и леди. Но разве лорд облачится в бурый дырявый плащ? Разве лорд будет расхаживать небритым, в сапогах, истоптанных за многие годы пеших блужданий, да с синяками, которых нахватался в пьяной драке? Стражник отвернулся в уверенности, что Вашер не аристократ.

Он был прав. И в то же время заблуждался.

— Дай-ка взглянуть, — потребовал старший и взял меч.

Он крикнул, откровенно удивленный весом оружия. Повернул и заметил застежку, которая крепила ножны к рукояти, не позволяя извлечь клинок. Расстегнул ее.

Краски стали насыщеннее. Не ярче, как жилет стражника, когда тот приблизился к Вашеру. Они сделались гуще. Темнее.

Красное обернулось бордовым. Желтое уплотнилось до золота. Голубое приобрело цвет морской волны.

— Осторожно, приятель, — кротко предупредил Вашер. — Этот меч бывает опасен.

Стражник поднял глаза. Все было спокойно. Тогда он фыркнул и двинулся прочь от камеры Вашера, не выпуская меча. Остальные двое понесли следом суму Вашера и дошли до караульного помещения в конце коридора.

Хлопнула дверь. Вашер тотчас опустился на колени перед кучей соломы, набрал пучок покрепче. Надергал ниток из плаща — подол уж истрепался — и сплел человечка дюйма три ростом, с лохматыми ручками и ножками. Выдрав из брови волосок, приложил его к голове куклы и вытянул из сапога алый шейный платок.

Затем Вашердохнул.

Нечто выплыло из него, пыхнуло в воздух — прозрачное, но блестящее, как растекшееся по воде масло в лучах солнца. Вашер почувствовал, как он исторгся — биохроматический дох, по выражению ученых. Большинство называло его просто дохом. И обладал им каждый. По крайней мере, каждый из этого большинства. Один человек — один дох.

У Вашера было около пятидесяти дохов — число, достаточное только для первого повышения. Обладая столь малым и помня, чем владел когда-то, он ощутил себя нищим, но многие сочли бы пятьдесят дохов несметным богатством. Увы, даже пробуждение фигурки из органического материала с фокусировкой волоском — частичкой себя — отняло добрую половину его дохов.

Соломенное чучелко дрогнуло, впитывая дох. Половина алого платка в руке Вашера стала серой. Вашер нагнулся, воображая желаемые действия фигурки, и завершил процесс командой:

— Забери ключи.

Соломенное чучелко встало, повернулось к Вашеру и вопросительно подняло единственную бровь.

Вашер указал на караульное помещение. Оттуда донеслись изумленные возгласы.

«Времени в обрез», — подумал он.

Соломенный малютка пробежал по полу, подпрыгнул, пролез между прутьями. Вашер снял плащ и расстелил на полу. Получились идеальные очертания человеческой фигуры: прорехи соответствовали шрамам на теле Вашера, сделанные в капюшоне дыры — его глазам. Чем больше предмет напоминал человека, тем меньше дохов расходовалось на пробуждение.

Вашер склонился, стараясь не думать о временах, когда ему хватало дохов, чтобы пробуждать, не заботясь о концентрации и придании формы. Сейчас положение изменилось. Морщась, он выдернул клочок волос и рассыпал по капюшону.

Еще один дох.

На этом дохи кончились. Без них — плащ дрожит, платок вконец обесцвечивается — Вашер почувствовал себя... тусклым. Потеря доха несмертельна. Сказать по правде, те лишние дохи, которыми воспользовался Вашер, когда-то принадлежали другим людям. Он не знал, кому именно, поскольку собирал дохи не сам. Их ему передали. Но иначе, конечно, и быть не могло. Дох нельзя забрать силой.

Отсутствие доха изменило его очень серьезно. Краски померкли. Он не чувствовал людской суеты в раскинувшемся над темницей городе — лишился связи, которую всегда считал неизменной и неотъемлемой. Прежде интуитивная настороженность по отношению к окружающим — та, что предупреждает шепотом в полусне, когда в комнату кто-то входит, — была у Вашера в пятьдесят раз острее, чем у большинства.

А теперь она сгнула. Всосавшись в плащ и соломенное чулочко, наделила их силой.

Плащ пошевелился. Вашер склонился над ним.

— Защищай меня, — скомандовал он, и плащ замер.

Вашер выпрямился и надел его снова.

Соломенная фигурка вернулась к решетке и бросила на пол большое кольцо с ключами. Ножки испачкались в крови. И алая кровь сейчас казалась Вашеру невыносимо блеклой.

Он взял ключи:

— Спасибо.

Вашер всегда их благодарил. Зачем и почему — неизвестно, особенно с учетом дальнейшего.

— Твойдох — ко мне, — приказал он, дотронувшись до груди соломенного человечка.

Тот мигом опрокинулся и исчез за дверью, лишившись жизни, а Вашер вернул свойдох. Привычное чувство бдительности восстановилось, как и осознание своей сопричастности, встроенности. Забрать жедох назад он смог лишь потому, что сам пробудил это создание, — вообще, такого рода пробуждения редко бывали стойкими. Он использовал свойдох как резерв — сперва выдал его, потом вернул.

По сравнению с прежним достоянием двадцати пяти дохов было смехотворно мало. Но по сравнению с ничем — бесконечно много. Он удовлетворенно поежился.

Вопли в караульном помещении прекратились. В темнице воцарилась тишина. Надо действовать.

Просунув руку с ключами за прутья, Вашер повозился с замком. Он распахнул толстую дверь и выскочил в коридор, оставив чучелко валяться на полу. В караулку не пошел и к выходу, который был за ней, тоже; он повернул на юг и двинулся вглубь тюрьмы.

Это самая ненадежная часть плана. Найти таверну, часто посещаемую жрецами Радужных тонов, было достаточно просто. Ввязаться в драку и врезать такому святоше — не труднее. В Халландрене крайне серьезно относились к духовенству, и Вашер заработал не обычное заточение в местную кутузку, а путешествие в темницы Бога-короля.

Зная нравы тамошних тюремщиков, он очень ловко смекнул, что они захотят вынуть из ножен Ночного Хищника и отвлекутся, а он тем временем добудет ключи.

Но дальше его ждет непредсказуемое.

Вашер резко остановился; пробужденный плащ заколыхался, шурша. Оpoznать нужную камеру оказалось легко, благо ее солидно окружили обесцвеченным камнем — тускло-серыми были и стены, и двери. В таких-то местах пробуждающих и держали, ибо нет цвета — нет пробуждения. Вашер подошел к двери, глянул сквозь прутья. Голый, в цепях, под потолком висел человек. Для зрения Вашера он был окрашен ярко: кожа — чистый коричневый цвет, следы побоев — синие и фиолетовые пятна.

Узнику вставили кляп. Еще одна мера предосторожности. Нужны три вещи, чтобы пробуждать:дох, цвет и команда. Иные называли их обертонами и оттенками. Радужные тона, взаимосвязь цвета и звука. Команду полагалось произнести ясно и твердо на родном языке пробуждающего. Малейшее заикание, ничтожный сбой в произношении — и пробуждению не бывать. Дох исторгнется, но объект не сможет действовать.

Вашер отпер дверь украденными ключами и вошел в камеру. Когда он приблизился, аура узника резко усилила окружающие цвета. Столь мощную ауру заметил бы любой, хотя достижшему первого повышения такое далось намного легче.

Это была не самая сильная биохроматическая аура на памяти Вашера — те, другие, принадлежали возвращенным, считавшимся здесь, в Халландрене, богами. И все-таки биохрома узника производила сильное впечатление, она была гораздо мощнее, чем у самого Вашера. В узнике заключалось много дохов. Сотни, если не тысячи.

Человек качнулся в оковах, изучая Вашера. Запечатанные губы кровоточили от обезвоживания. Помедлив секунду, Вашер выдернул кляп.

— Ты, — прошептал узник и глухо закашлялся. — Пришел меня освободить?

— Нет, Вахр, — тихо ответил Вашер. — Я пришел тебя убить.

Вахр фыркнул. Заточение стало для него суровым испытанием. При их последней с Вашером встрече он был дороден. Судя по нынешней худобе, его давно не кормили. Порезы, кровоподтеки и ожоги были свежими.

Следы пыток и затравленный взгляд Вахра, под глазами которого набрякли темные мешки, выдали горькую правду. Дох передается лишь добровольной, целенаправленной командой. Но этой команды от человека можно добиться.

— Значит, — прокаркал Вахр, — ты осуждаешь меня, как все.

— Твой неудачный мятеж — не моя забота. Мне нужен только твой дох.

— Тебе и всему халландренскому Двору.

— Да. Но ты не отдашь дох кому-нибудь из возвращенных. Ты расплатишься им со мной за твое убийство.

— Я бы не назвал это выгодной сделкой.

Голос Вахра был пресным, в нем отсутствовали эмоции. Вашер вспомнил, что много лет назад, перед тем как они расстались, этого не было.

«Странно, — подумал Вашер, — что в самом конце я все-таки нашел у нас нечто общее».

Он держался на безопасном удалении от Вахра. Теперь, обретши голос, тот мог отдать команду. Но он не соприкасался ни с чем, кроме железных цепей, а пробудить металл очень трудно. Металл никогда не бывал живым и не принимал форму человеческого тела. Вашеру даже при полной силе удалось лишь несколько раз, в особых обстоятельствах, пробудить его. Конечно, некоторые сильнейшие пробуждающие умени оживлять предметы на расстоянии. Но это требовало девятого повышения. Такой уймы дохов не было даже у Вахра. По сути, Вашер знал лишь одного такого: Бога-короля.

Поэтому Вашеру, пожалуй, ничто не грозило. Вахр имел вдоволь дохов, но пробуждать ему было нечего. Вашер обошел закованного в цепи, не находя в себе ни малейшего сочувствия. Вахр получил по заслугам. Однако жрецы не дадут ему умереть с таким солидным запасом дохов: умрет — и дохов не станет. Они исчезнут. Необратимо, навсегда.

Упустить такое сокровище не позволяло себе даже правительство Халландрена с его крайне строгими законами о покупке и передаче дохов. Оно жаждало их до того алчно, что воздерживалось от казни опасного преступника. Потом оно проклянет себя за столь слабую охрану Вахра.

Но и Вашер, как ни крути, два года ждал подходящей возможности.

— Итак? — спросил Вахр.

— Отдай мне дох, — шагнул вперед Вашер.

Вахр фыркнул:

— Сомневаюсь, что ты искуснее палачей Бога-короля, а я продержался здесь уже две недели.

— Поверь, я мог бы тебя удивить. Но сейчас не до этого. Ты всяко отдашь мне дох. Знаешь же, что у тебя только два варианта: уступить его либо мне, либо им.

Вахр, подвешенный за кисти, медленно вращался. Молча.

— У тебя маловато времени на размышления, — заметил Вашер. — Мертвых стражников могут обнаружить в любую секунду. Объявят тревогу. Я уйду, а тебя обязательно продолжат пытаться, и ты точно сломаешься. Затем вся мощь, которую ты накопил, достанется тем самым людям, кого ты призывал уничтожить.

Вахр уставился в пол. Вашер дал ему еще чуток повисеть — пусть до него дойдет суровая правда. Наконец Вахр поднял взгляд на Вашера:

— Та... вещь, с которой ты ходишь. Она здесь, в городе?

Вашер кивнул.

— Я слышал крики. Это из-за нее?

Снова кивок.

— Как долго ты пробудешь в Т'Телире?

— Какое-то время. Может быть, год.

— Ты используешьдох против них?

— Чем я займусь — мое дело, Вахр. Ты соглашаешься или нет? Быстрая смерть в обмен на дохи. Это я тебе обещаю. Твоим врагам они не достанутся.

Вахр замолчал.

— Забирай, — прошептал он в итоге.

Вашер возложил на чело Вахра ладонь, стараясь не коснуться узника одеждой, чтобы Вахр не приобрел для пробуждения цвет.

Вахр не шелохнулся. Он словно оцепенел. Затем, когда Вашер уже заволновался, не передумал ли узник, Вахрдохнул. Из него хлынули краски. Это была прекрасная Радуга — аура, которая позволяла ему выглядеть величественно вопреки оковам и ранам. Она вытекла изо рта и мерцающим туманом повисла в воздухе. Вашер закрыл глаза и вобрал ее.

— Моя жизнь — к твоей, — скомандовал Вахр с ноткой отчаяния. — Мойдох — стань твоим.

Дох перетек в Вашера, и все вокруг ожило. Бурый цвет плаща насытился, сделался гуще. Кровь на полу предстала ослепительно-красной, как пламень. Даже кожа Вахра выглядела шедевром живописи: густо-черные волосы, ультрамариновые синяки и ярко-алые порезы. Вашер уже много лет не ощущал такой... жизни.

Его захлестнуло, и он задохнулся, валясь на колени; пришлось выставить руку и опереться в каменный пол, чтобы не опрокинуться. «Как же я жил без этого?»

Он понимал, что на самом деле его чувства несовершенны, но стал таким зорким! Более восприимчивым к красоте ощущения. Камень восхитил его своей грубостью. А шум ветра за узким тюремным оконцем? Неужто он всегда был таким мелодичным? Как можно было этого не замечать?

— Выполни свою часть сделки, — потребовал Вахр.

Вашер оценил тональность его голоса, красоту каждой нотки, их близость к гармонии. Вашер обрел идеальный слух. Так бывает с каждым, кто достиг второго повышения. Недурно обзавестись этим заново.

Конечно, Вашер мог при желании в любую минуту достичь пятого повышения. Пришлось бы принести определенные жертвы, а этого он не хотел. И потому заставлял себя действовать по старинке, собирая дохи людей вроде Вахра.

Вашер выпрямился, извлек использованный ранее бесцветный платок. Набросил его на плечо Вахру, затемдохнул.

Он не потрудился придать человеческие очертания платку, не воспользовался для концентрации волоском или кусочком кожи. Правда, ему пришлось извлечь из сорочки цвет.

Вашер встретил лишенный надежды взгляд Вахра.

— Души вещи, — скомандовал Вашер, коснувшись пальцами платка.

Тот сразу затрепетал, втягивая дох. И взял его много, но сейчас это было не важно. Платок проворно обвился вокруг шеи Вахра и начал затягиваться. Вахр не сопротивлялся и не пытался вздохнуть, только с ненавистью смотрел на Вашера, пока не выпучил глаза и не умер.

Ненависть. В свое время Вашер наелся ею досыта. Он быстро вернул из платка дох и оставил Вахра качаться под потолком. Потом тихо прошел по тюрьме, дивясь цветам дерева и камня. Вскоре он заметил в коридоре новый цвет. Красный.

Он обогнул лужу крови, которая натекла по косому тюремному полу, и вошел в караульное помещение. Трое стражников были мертвы. Один сидел на стуле. Ночной Хищник, так и остав-

шийся неоголенным, проломил ему грудь. Из серебряных ножен лишь на дюйм выступал черный клинок.

Вашер аккуратно дослал оружие в ножны. Застегнул застежку.

«Я сегодня молодец», — произнес в голове голос.

Вашер не ответил мечу.

«Я всех убил, — продолжил Ночной Хищник. — Ты мной гордишься?»

Вашер поднял оружие, привык к его необычному весу и оставил в одной руке. Поднял и повесил на плечо свою суму.

«Я знал, что ты будешь впечатлен», — удовлетворенно сказал Ночной Хищник.

1

Быть маловажной крайне выгодно.

Вообще-то, по меркам многих, Сири сложно назвать маловажной. Все-таки королевская дочь. К счастью, детей у отца четверо, а семнадцатилетняя Сири — младшая. Фафен, третья по старшинству, исполнила семейный долг и стала монахиней. Выше Фафен стоит Риджер, старший сын и наследник престола.

Остается Вивенна.

Возвращаясь по тропинке к городу, Сири вздохнула. Вивенна, первеница, это... Вивенна. Тут и добавить нечего. Царственная красавица, совершенство во всех отношениях. Обрученная с богом... Так или иначе, а Сири, четвертый ребенок, оказалась не у дел. Вивенне и Риджеру пришлось сосредоточиться на учебе, Фафен занимается своей работой на пажитях и в домах, но Сири, будучи маловажной, может от всего отвертеться и часами пропадать невесть где.

Конечно, это замечают, и да, ей достается на орехи. Но даже отец вынужден признать, что ее исчезновения не причиняют больших неудобств. Город прекрасно обходится без Сири, — сказать по совести, без нее даже чуть лучше.

Маловажность. Для кого-то она огорчительна, но для Сири стала благословением.

Она улыбалась, вступая в город, и неизбежно притягивала взгляды. Хотя Бевалис официально являлся столицей Идриса, он не был настолько велик, чтобы кто-то из его жителей не знал Сири в лицо. Судя по рассказам странствующих торговцев, ее город недотягивал и до села по сравнению с огромными столицами других государств.

А ей он нравился даже с грязными улицами, соломенными крышами и невзрачными, но прочными каменными стенами. Женщины, бегающие за гусями, мужчины, погоняющие ослов с весенней рассадой, и дети, ведущие овец на пастбище. В больших городах — Ксаке, Гудресе, а то и в ужасном Халландрене — встречались экзотические пейзажи, зато там толпились безликие, горластые, суетливые обыватели и спесивая знать. Сири это было не по душе, ей даже Бевалис казался слишком шумным.

«И все-таки, — подумала она, взглянув на свое простецкое серое платье, — цветов там наверняка больше, в тех городах. Вот бы их увидеть».

Шевелурой ей больше не выделиться. В полях, где Сири неизменно охватывала радость, длинные локоны, по своему обыкновению, посветлели и превратили ее в блондинку. Она сосредоточилась, пытаясь их укротить, но сумела довести цвет лишь до тускло-каштанового. Стоило ей отвлечься, и вот они уже прежние, какими были всегда. У нее плохо получалось управлять ими. То ли дело Вивенна.

В городе за ней увязалась орава малышей. Сири улыбалась, притворяясь, будто не обращает внимания на детей, пока один не осмелел достаточно, чтобы забежать вперед и дернуть ее за платье. Тогда она с улыбкой повернулась. Малыши ответили суровыми взглядами. Идрисских детей с малых лет приучали не опускаться до бурных эмоциональных выплесков. Острийские догмы не усматривали ничего дурного в чувствах, однако привлекать к себе ими внимание не полагалось.

Сири не отличалась благочестивостью. Она рассудила, что не ее вина, если Остр создал ее непокорной.

Дети терпеливо дождались, когда Сири вынет из фартука несколько цветков, и широко распахнули глаза, глядя на буйные краски. Три цветка были синими, один — желтым.

Цветы ярко выделялись на фоне подчеркнуто серых городских улиц. Ни капли краски — разве что на коже или в глазах. Камни отмыты добела, одежда обесцвечена до серой и бурой. Делалось все, чтобы не допустить красок.

Ибо без цвета не будет и пробуждающих.

Девчужка, которая тянула Сири за подол, в конце концов зажала в ручонке цветы и бросилась прочь, а вся ватага устреми-

лась за ней. Сири перехватила неодобрительные взгляды прохожих. Правда, никто не сказал ей ни слова. Есть свои плюсы в том, чтобы быть принцессой, хоть и маловажной.

Она продолжила путь к дворцу — невысокому одноэтажному зданию с просторным, плотно утрамбованным земляным двором. Сторонкой обойдя собравшиеся на дворе шумные толпы, Сири вошла в дом через кухню. Как только дверь открылась, Мэб, главная стряпуха, перестала петь и смерила взглядом Сири.

— Отец тебя обыскался, дитя. — Сказав это, Мэб отвернулась и, мыча под нос что-то невнятное, набросилась на груды луковиц.

— Надо думать. — Сири подошла к котлу, понюхала.

Запах был мирный и пресный, картофельный.

— Снова бродила на холмах? Готова поспорить, что прогуляла уроки.

Сири с улыбкой извлекла еще один ярко-желтый цветок и повертела его в пальцах.

Мэб закатила глаза:

— И снова, поди, портила городскую молодежь. Честное слово, девочка, в твоём возрасте уже поздно забавляться такими вещами. Ужо отец тебе скажет пару ласковых слов за то, что отлыниваешь от обязанностей.

— Люблю слова, — сказала Сири. — А когда отец злится, всегда узнаю новые. Я ведь не должна пренебрегать образованием?

Мэб фыркнула, нарезая соленые огурцы.

— Seriously, Мэб, — продолжила Сири, вертя цветок и чувствуя, как ее волосы чуть рыжеют. — Я не понимаю, в чем задача. Остр сотворил цветы, так? Он их раскрасил, значит они не могут быть злом. Мы же неспроста зовем его богом красок.

— Цветы не зло при условии, что остаются там, где Остр их посадил, — возразила Мэб, добавляя в стряпню пряную траву. — Нам нельзя возвеличиваться за счет красот Остра.

— От цветка я важнее не становлюсь.

— Да неужели? — хмыкнула Мэб, ссыпая траву, огурцы и лук в кипящий котел. Она постучала по нему ножом, прислу-

шалась, кивнула и полезла под стойку за новой порцией овощей. — Скажи кому другому, только не мне, — продолжила она оттуда, и голос звучал приглушенно. — Ты правда думаешь, что не притягиваешь к себе внимание, когда расхаживаешь по городу с цветком?

— Это только потому, что город такой унылый. Будь вокруг хоть немного красок, цветка никто бы и не заметил.

Мэб выбралась из-под стойки с ящиком всевозможных клубней.

— Ты хочешь, чтобы здесь все разукрасили, как в Халлдрене? Может, начнем приглашать пробуждающих? Как ты на это смотришь? Когда какой-нибудь дьявол будет высасывать из детей души, удавливать людей их собственной одеждой? Поднимать из могил покойников и привлекать к дешевому труду? Приносить в жертву женщин на нечестивых алтарях?

Сири почувствовала, что от страха у нее чуть побелели волосы. «Прекратить!» — подумала она. Но волосы были себе на уме, они отзывались на внутреннее состояние хозяйки.

— Про жертвенных дев — это пустая болтовня, — сказала Сири. — На самом деле там ничего подобного не бывает.

— Болтают не зря.

— Да, старухи зимой у камина. По-моему, нам нечего бояться. Пусть в Халлдрене делают что хотят. Меня это устраивает, лишь бы нас не трогали.

Стряпуха шинковала клубни, не поднимая глаз.

— Мэб, есть договор, — напомнила Сири. — Отец и Вивенна позаботятся о нашей безопасности, и Халлдрен оставит нас в покое.

— А если нет?

— Оставит. Тебе нечего бояться.

— У них и войска лучше, — заметила Мэб, не поднимая глаз и продолжая шинковать, — и сталь, и больше еды, и эти... вещи. Вот народ и беспокоится. Ты, может быть, и нет, а люди разумные...

Такие слова трудно было пропустить мимо ушей. Мудрость Мэб не ограничивалась приправами и супами, но и нервничала стряпуха часто попусту.

— Мэб, ты напрасно беспокоишься. Вот увидишь.

— Я так скажу: принцесса выбрала неудачное время, чтобы бегать с цветами, выделяться и гневить Остра.

Сири вздохнула.

— Ладно, — сказала она, бросая последний цветок в сотейник, — теперь мы выделимся вместе.

Мэб замерла, затем закатила глаза, нарезая корешок.

— Должно быть, это был ванавель?

— Конечно, — ответила Сири, принюхиваясь к пару. — Не буду же я портить хорошее блюдо. И повторяю: ты паникуешь зря.

Мэб шмыгнула носом.

— На, — протянула она нож. — Займись-ка делом.

— А отцу не показываться? — спросила Сири, принимаясь за кривой корень ванавеля.

— Он тебя накажет, заставит работать на кухне, — ответила Мэб, снова стукнув ножом по котлу.

Она твердо верила, что звук может сказать о готовности блюда.

— Да поможет мне Остр, если отец признает, что мне здесь нравится.

— Просто любишь быть поближе к еде, — сказала Мэб, выуживая и выбрасывая цветок. — Тебе все равно к нему нельзя. Он совещается с Ярдой.

Сири ничего не ответила, молча продолжила резать, однако ее волосы побелели от волнения. «Отцовские совещания с Ярдой обычно затягиваются на часы, — подумала она. — Зачем торчать тут без дела и ждать, когда он освободится?»

Мэб отвернулась на секунду, а когда посмотрела вновь, Сири уже выскочила за дверь и устремила к королевским конюшням. Через считанные минуты, одетая в любимый коричневый плащ, она уже галопом неслась прочь от дворца, дрожа от восторга и превращаясь в совершенную блондинку. Добрая прогулка верхом — отличный способ завершить день.

В конце концов, семь бед — один ответ.

Король Идриса Деделин положил на стол письмо. Он успел на него насмотреться. Настало время решать, посылать ли на смерть старшую дочь.

Несмотря на приближение весны, в его палате стоял холод. Тепло было редкостью на Идрисских Высотах; его жаждали и ему радовались, оно же лишь ненадолго задерживалось каждое лето. В покоях было еще и пусто. В простоте заключалась красота. Кичиться богатством не имел права даже король.

Деделин встал и посмотрел в окно на двор. По мировым стандартам дворец маловат — всего один этаж с заостренной деревянной крышей и осадистыми каменными стенами. Однако по меркам Идриса он велик, граничит с роскошью. Это считается простительным, поскольку дворец служит также местом для собраний и центром управления всего королевства.

Король краем глаза видел генерала Ярду. Здоровяк стоял в ожидании, заложив руки за спину; его густая борода была перевязана в трех местах. Больше в палате не было никого.

Деделин снова взглянул на письмо. Ярко-розовая бумага казалась каплей крови на снегу. В Идрисе не водилось ничего розового. Однако в Халландрене — мировом центре красок — такие безвкусные тона считались в порядке вещей.

— Итак, дружнице? — спросил Деделин. — Дашь ли ты мне совет?

Генерал Ярда покачал головой:

— Ваше величество, приближается война. Я чувствую ее дыхание в ветрах и читаю о ней в донесениях шпионов. Халландрен продолжает считать нас мятежниками, и наши северные пути слишком заманчивы для него. Он нападет.

— Тогда мне незачем ее посылать, — произнес Деделин, снова глянув в окно.

Двор кишел людьми в плащах и шубах, пришедшими на рынок.

— Войну не остановить, ваше величество, — сказал Ярда. — Но... мы можем ее отсрочить.

Деделин повернулся к нему.

Ярда шагнул вперед и мягко заговорил:

— Время нынче плохое. Наши войска еще не оправились от осенних набегов Вендиса, а после зимних пожаров в зернохранилище... — Ярда снова покачал головой. — Мы не можем позволить себе летнюю оборонительную войну. Наш лучший союз-

ник против Халландрена — снег. Нельзя допустить, чтобы конфликт развился на их условиях. Иначе нам всем конец.

Прозвучало разумно.

— Ваше величество, — сказал Ярда, — они на то и рассчитывают, что мы нарушим договор и дадим повод к нападению. Если мы сделаем первый шаг, они ударят.

— Если мы соблюдем договор, они все равно ударят, — возразил Деделин.

— Но позднее. Может быть, через несколько месяцев. Вы знаете, насколько медлительна политика Халландрена. Если мы выполним условия, начнутся дебаты и прения. Они затянутся до снега, и мы выиграем время, в котором так остро нуждаемся.

Все это имело смысл. Жестокий, откровенный смысл. Долгие годы Деделин тянул время и наблюдал, как халландренский Двор становится все более агрессивным. Из года в год звучали призывы задать жару «мятежным горцам-идрисцам». И с каждым годом эти голоса приумножались и делались громче. Мирная политика Деделина ежегодно сдерживала агрессию. Наверное, он надеялся, что вожак повстанцев Вахр и его единомышленники из Пан-Каля отвлекут внимание Халландрена от Идриса, но Вахра схватили, его так называемое войско рассеялось. И Халландрен не отвлекся, а только больше сосредоточился на вражде.

Мир не сохранить. Не с урожаями Идриса, не с его соблазнительными торговыми путями. Не при нынешнем выводе халландренских богов, которые казались куда безумнее предшественников. Деделин все это понимал — как и то, что нарушение договора будет глупостью. Когда живешь в логове зверя, его лучше не злить.

Ярда стоял рядом с королем у окна, облокотившись о раму. Он был суровым уроженцем страны с лютыми зимами. Но также лучшим человеком их тех, кого знал Деделин; глубоко в душе король мечтал выдать Вивенну за генеральского сына.

Вздор. Деделин всегда знал, что этому не бывать. Он собственноручно составил договор, по которому требовалось выдать дочь за Бога-короля. Халландрен нуждается в дочери королев-

ской крови, чтобы возродить в своей монархии традиционную кровную линию. Именно этого давно домогаются растленные и тщеславные жители равнин, и только этот отдельный пункт договора сберег Идрису последние двадцать лет.

Сей договор стал первым официальным актом в правление Деделина, явившись предметом яростных торгов после убийства его отца. Деделин скрипнул зубами. Как быстро он исполнил прихоть врагов! И все же он сделает это снова; правитель Идриса пойдет на все ради своих подданных. В этом заключается серьезная разница между Идрисом и Халландреном.

— Ярда, мы отправим ее на смерть, — сказал Деделин.

— Возможно, ей не причинят вреда, — ответил после долгой паузы Ярда.

— Ты отлично знаешь, как будет. Первое, что они сделают с началом войны, — используют дочь против меня. Это же Халландрен! Клянусь Остром, они приглашают в свои дворцы пробуждающих!

Ярда помолчал. Наконец он покачал головой:

— В последних донесениях говорится, что их армия увеличилась тысяч на сорок безжизненных.

«Бог — повелитель цветов!» — подумал Деделин, опять посмотрев на письмо.

Его содержание было простым. Вивенне исполнилось двадцать два, и по условиям договора ждать дольше Деделин не имеет права.

— Отправка Вивенны — скверный план, но другого у нас нет, — сказал Ярда. — Выиграв время, я сумею заручиться поддержкой Тедрадела — там ненавидят Халландрен еще с Панвойны. И возможно, мне удастся поднять на бунт разгромленную группировку Вахра в самом Халландрене. По меньшей мере мы сможем отстроиться и запастись всем необходимым, чтобы прожить еще год. — Ярда повернулся к королю. — Если не отправим халландренцам принцессу, вину за войну возложат на нас. И кто нас поддержит? Спросят, почему мы не выполнили условия договора, который наш же король и составил!

— А если мы пошлем к халландренцам Вивенну, в их монархию вольется королевская кровь и притязания на Высоты станут еще правомочнее!

Сандерсон Б.

С 18 Убийца Войн : роман / Брендон Сандерсон ; пер. с англ. А. Смирнова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 640 с. — (Звезды новой фэнтези).

ISBN 978-5-389-20180-4

Среди причудливых миров Космера есть один, где правят странные боги — ожившие мертвецы, или возвращенные. Прекрасные и молодые, они бессмертны и не помнят прошлой жизни. Для поддержания жизни им нужен дох — неуловимая субстанция, которая наполняет мир красками и обостряет чувства. Дох есть у каждого человека; боги предпочитают забирать его у детей. Таковы порядки в Халландрене — государстве, погрушем в роскоши и распутстве. Там правит таинственный Бог-король. Страна много лет не знала войн, но скоро все должно измениться. Кто-то разжигает конфликт, стремясь столкнуть Халландрен с холодным горным Идрисом, что неизбежно повлечет за собой Панвойну. Мир можно спасти, если заключить брак между Богом-королем и идрисской принцессой Вивенной. Но в Халландрен отправляется не она. И вряд ли удастся избежать кровопролития, если не вмешается таинственный и легендарный Убийца Войн.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

БРЕНДОН САНДЕРСОН
УБИЙЦА ВОЙН

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Юлия Теплова, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 14.10.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 40.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ZNF-28996-01-R